

**МАНИПУЛЯЦИЯ
СОЗНАНИЕМ**

**ГЕОРГИЙ
ПОЧЕПЦОВ**

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ВОЙНЫ**

**НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ПОЛИТИКИ**

Георгий Георгиевич Почепцов
Информационные войны.
Новый инструмент политики
Серия «Манипуляция
сознанием (ЭКСМО)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9989957

Георгий Почепцов. Информационные войны. Новый инструмент

политики: Алгоритм; Москва; 2015

ISBN 978-5-4438-1027-0

Аннотация

Когда Геббельс создавал свое «Министерство пропаганды», никто еще не мог предположить, что он создал новый тип ведения войн. В XXI веке войны приняли новый облик. Война превратилась не только в противостояние военной силы, но и в войну информационных технологий. Сегодня любая война начинается с информационного «артобстрела». Зачем завоевывать страну силой оружия, сталкиваясь с сопротивлением и неся потери? Ведь можно подчинить ее изнутри, силами ее же граждан. Это и есть конечная цель, глобальная стратегия информационной войны. Американец Джозеф Овертон сформулировал теорию «информационного окна» – комплекса

мер, которые позволяют расширять границы допустимого как угодно далеко в любом обществе. Методика информационной войны – расширить «окно Овертона» до такой степени, что воевать не придется, «приз» сам упадет в руки. Георгий Почепцов – известный ученый, который является ведущим теоретиком информационной войны на постсоветском пространстве. Его книга посвящена современным методам и технологиям войн в информационном пространстве. И после нее мир воспринимается совершенно иначе.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Информационное воздействие на социосистемы	8
Информационная составляющая трансформации социосистем	8
Антропологические революции и их информационный и виртуальный инструментарий	21
Особенности реализации коммуникативно- цивилизационных переходов	32
Информационно-коммуникативные технологии в развитии цивилизации	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Георгий Почепцов
Информационные
войны. Новый
инструмент политики

© Почепцов Г.Г., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Предисловие

Последние несколько десятилетий в мире набирал силу информационно-коммуникативный компонент. Социосистемы принялись опираться на него в решении своих насущных задач. Политика, экономика, бизнес, военное дело приняли его, сделав своим инструментарием. Сначала он был мультипликатором имеющихся в их распоряжении сил, а потом сам стал главной силой.

Практически все существенные трансформации современного мира прошли с помощью информационно-коммуникативного инструментария. Это и перестройка, и бархатные и цветные революции, а также «революции», прокатившиеся с помощью социальных сетей.

Книгопечатание, разбудив национализм, создало разделение мира на государства. Интернет и соцсети порождают безлидерские революции, ставшие новым феноменом нашего времени.

Инструментарий информационных войн вполне актуален и для мирной жизни, поскольку этим путем вводятся нужные социальные изменения. Социосистемы подталкиваются к новым состояниям именно этим образом.

Мир перестал быть таким, каким он был раньше всего лишь несколько десятилетий назад. Поэтому не все страны оказались одинаково готовыми к этим изменениям. Но без

учета этих трансформаций невозможно адекватно жить в измененном и трансформированном мире.

Глава первая. Информационное воздействие на социосистемы

Информационная составляющая трансформации социосистем

Информационная война является самым интеллектуальным вариантом военного противоборства, поскольку и субъект, и объект воздействия здесь являются человеческим разумом. И сила, и слабость здесь лежат в когнитивных возможностях человека. Если обычная война нацелена на тело человека, то информационная или смысловая – на его разум.

Однако элементы информационной войны присущи и многим вполне мирным ситуациям. Это и выборы, особенно президентские, это и войны брендов, это и инструментарий паблик рилейшнз, который по сути своей является мягким вариантом информационной войны, поскольку так же, как и пропаганда, например, наиболее эффективен, когда является незаметным.

В социосистеме можно выделить, как базовые, три ее компонента: информационный, политический и экономический. Важность информационного компонента по отношению к политическому и экономическому вытекает из базо-

ности «ядерной» информации по отношению к структуре, на которой она выстроена, отмеченной Дж. Аркиллой¹. Поменяв «базу», как следствие, придется менять и структурную надстройку. Наиболее близким примером является для нас перестройка, которая меняла информационную и виртуальную базу.

Все интенсивные трансформации социосистем строятся именно на интервенциях в это ядро. Все цветные и бархатные революции, начиная с их прообраза – революции в Иране в 1953-м, строились на трансформации Информационного компонента, что в результате вело к трансформации Политического и Экономического компонентов.

Реально в этом случае Информационный компонент подстраивался под как бы будущее состояние социосистемы, к точке, где данная власть будет полностью делегитимизирована, то есть отнюдь не отражает сегодняшнюю реальность. Вдруг он начинает отражать как бы будущую реальность. И уже оттуда начинал трансформировать под себя политику и экономику. Но на данном этапе перехода следует защищать информационный компонент, либо сделав его невидимым (например, пользуясь слухами или социальными сетями), либо правовыми методами (например, концепцией свободы слова), либо финансовыми (независимое финансирование)

¹ Arquilla J., Ronfeldt D. Looking ahead: preparing for information-age conflict // In Athena's camp. Ed. By J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica, 1997

В ответ всегда будет давление на информационный компонент, чтобы заставить его действовать синхронно с политическим и экономическим. В норме так и бывает, когда все три компонента соответствуют друг другу. Но в критические моменты, например – перестройка или оттепель, именно информационный или виртуальный компоненты начинают «барахлить» с точки зрения большой системы.

Есть еще четвертый компонент, который можно обозначить как Массы. Именно его пытаются активировать во время любых революций. Происходит то, что можно обозначить как ПЕРЕХВАТ УПРАВЛЕНИЯ. Если в норме управление идет из политического и экономического компонента, то в процессе перехвата управления соответствующие импульсы как бы вдруг начинают идти от Информационного компонента или от компонента Массы.

В советское время такую функцию как бы независимого компонента пытались играть диссиденты, позволявшие себе в жесткой тоталитарной системе критику советского строя. Однако, не имея выхода на советские массовые коммуникации, это не было успешным вариантом информационного потока. Драматург А. Гельман говорил, что пьесы и кино сделали больше для будущей перестройки, чем диссиденты (программа «Художник и власть» на канале «Совершенно секретно», 14 мая 2014 г.). И это понятно, поскольку они имели массовое распространение, а диссидентов мало кто знал.

Советский Союз мог удерживать диссидентов вне своего публичного поля достаточно просто, имея систему цензуры. Но сегодня, когда появился резко менее контролируемый властью вариант коммуникаций – интернет, такая практика была бы невозможной. И это говорит о том, что СССР все равно бы с неизбежностью распался, хотя и с опозданием на двадцать лет.

Сегодня мир скатывается в период очередной холодной войны, поскольку, с одной стороны, он был более прост для управления, имея не многополярность, а только дуполярность, поскольку «горячие» конфликты были только на периферии. С другой стороны, продвижение западных ценностей в виде, например, демократии натолкнулось на мимикрию этого на постсоветском пространстве. Российский концепт «управляемой демократии» оказался более удобным для лидеров этого пространства. Эффект этого двойного управления, когда и демократия и верховенство права остаются чисто вербальными обозначениями, поскольку все основные решения принимаются в советской модели жесткой иерархии и соответствующей ей монологической коммуникации, привел ко всем тем последствиям, которые мы сегодня имеем. Недовольство общества зашкаливает, но тормозится тем, что все научились произносить правильные слова.

Когда нет демократического управления, а оно требует более сложных структур и инструментов управления, чем просто физические действия (от стучания кулаком по столу

до арестов), происходит постепенное накопление нестабильности. Когда все начальники заняты зарабатыванием денег, если не на свой золотой батон, то на свой золотой бублик, система не будет двигаться вперед.

Советский Союз для управления пользовался, условно говоря, Экраном, под которым будет иметь в виду пропаганду, постсоветское пространство – Прилавком. Но Запад для стабилизации добавлял к этому сочетанию Зарплату, поскольку еще в момент создания общества потребления олигархи того времени поняли, что они не смогут наращивать производство, не обеспечив потребителя деньгами для наращивания потребления. Это была не только зарплата, но и разного рода кредитные схемы, что и создало тот вариант Запада, который мы имели. То есть мы взяли не все западные компоненты, получив в результате

Таким образом и Советский Союз, и постсоветское пространство являются неустойчивыми образованиями, поскольку СССР мог компенсировать свои недостатки пропагандистской составляющей, которой нет у постсоветского пространства.

Ничего нового в пропагандистском воздействии, кроме новых средств доставки сообщений, мир не знает. Постепенно сменялись именно средства доставки сообщений. Сегодня мы имеем сочетание таких трех новых средств: телевидения, интернета и протестующей улицы. Последний компонент мы именуем новым, поскольку в нынешних реалиях

уже нельзя, как сто лет назад, просто расстрелять протестующих. Именно поэтому он и начинает играть новую роль.

Именно сочетание физического пространства (улица) и информационного (телевидение, интернет), а также виртуального (борьбы за справедливость) создают тот взрывоопасный вариант, на который не может адекватно реагировать власть, поскольку современная власть уже не имеет того инструментария, который был распространенным более ста лет назад – расстрела демонстрантов. То есть физический инструментарий получил серьезные ограничения. Одновременно, как следствие, существенное развитие получил информационный инструментарий, а также виртуальный.

У западного мира была в этой модели управления еще она существенная задача – создать общество потребления, которое бы позволило не только удовлетворить граждан, но и сделать процесс производства бесконечно растущим. Те методы, включая ПР и рекламу, которые для этого возникли, не нужны были Советскому Союзу, поскольку он имел, наоборот, дефицит потребления. Поэтому Советский Союз вложил свои умения в виртуальное производство – качественные литература, искусство, кино порождали мир счастья, который не нуждался в наращивании физического потребления, по крайней мере, мог его каким-то образом компенсировать..

Советский Союз заменил физический вариант счастья в виде потребления виртуальным. Он закрывал физический

разрыв с Западом не только железным занавесом, но и железной аргументацией, где было две важные составляющие: ВРАГ и СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ. ВРАГ всегда мешал счастью в сегодняшнем дне, что позволяло объяснять отсутствие этого физического варианта счастья, но зато не только не было войны, но было и СЧАСТЛИВОЕ БУДУЩЕЕ.

Каждая идентичность базируется и на своем достаточно определенном прошлом. Для этого из прошлого берется то, что соответствует сегодняшней модели мира. Германия видела в истории свое арийское прошлое, СССР первоначально откидывала всю русскую классическую литературу, сбрасывая ее с «корабля современности». Кстати, в критические периоды вдруг происходит расширение этой исторической базы: СССР в период войны вспомнила и русских полководцев, и русскую православную церковь. Это расширение «базы», даже внезапное, позволяет усилить единство населения. На бытовом уровне это можно понять так: достается спрятанное, поскольку все остальное уже было использовано.

В прошлом близкий инструментарий использовали и римляне. Они включали новых богов захваченных территорий в свой пантеон, хотя и на второстепенные роли, что резко снижало последующее сопротивление нового населения. Как видим, религия и идеология опираются на близкие механизмы, то есть виртуальное пространство подчиняется единым законам.

Реально это все равно трансформация виртуального про-

странства, поскольку «мои» боги смещаются на маргинальные позиции, хотя и продолжают называться богами. Но виртуальное пространство все равно постоянно подвержено мутациям. Например, А. Лазарчук пишет о создании истории Америки не по реалиям, а по кинособытиям: «Это создание вестерна или создание мифа о мафии. Понятно, что точкой отсчета все равно была реальность, но одна реальность начинает гиперболизироваться, подавляя все остальное». Он справедливо замечает²: «Шло массированное замещение реальной памяти памятью мифологизированной».

Практически тот же процесс прошло и российское кино и телевидение, создав образ сталинского времени, которое, как и вестерн, оказалось выгодным для повышения уровня зрелищности повествования. Вероятно, важным компонентом подобных массовых жанров становится использование в сюжете смерти. А показ смерти, как установлено в таком направлении, как теория менеджмента террором, меняет поведение тех, кому она демонстрируется. Сюжетное «право» на смерть есть в детективах, вестернах и рассказах о сталинском времени.

И еще одна особенность. Если Ленин был всегда живым раньше, то в сегодняшнем кино вечно живым стал Сталин, о чем много и с технологических позиций пишет Д. Дондурей, который считает это сознательным подходом современ-

² Лазарчук А. Голливуд как машина реальности. Часть 2 // terra-america.ru/hollywood-kak-mashina-2.aspx

ной власти в России, поскольку все это возрождает патерналистскую зависимость граждан от государства.

Интересно на близкую тему высказался режиссер мультипликационного кино Г. Бардин³: «Мы сейчас все это глотаем оттого, что не распрощались с прошлым умно и честно. Надо было, чтобы КГБ покаялся, а не выдвинул наверх своего гордого сына Путина. Как так: чтобы выходец из КГБ стал руководить страной, которая была смята тем же НКВД, пролившим море крови?! Он гордится этой историей, а я – нет. У нас разное детство, мы читали разные книги, у нас разное воспитание, поэтому нам с ним никогда не сойтись. И сейчас что ни сериал, герой – кагэбэшник. Лизоблюды-режиссеры стали всю славить эту профессию».

Очень сильную роль в переносе этой модели мира на постсоветское пространство в целом играет и русский язык. М. Руднев, к примеру, приводит следующие результаты исследований по сближению ценностей в наше время⁴: «Титульное население каждой из 4 рассматриваемых стран отличается от россиян сильнее, чем русскоязычные, живущие в этих странах. В Эстонии титульное население отличается от россиян по 9 ценностям, а русскоязычное – по одной, то есть соотношение 9:1, в Израиле это соотношение 9:5, в Украи-

³ Бардин Г. Я надеялся, что здравомыслящих людей больше. Напрасно надеялся. Интервью // www.novayagazeta.ru/arts/63513.html

⁴ Руднев М. О великий, могучий, правдивый... // www.ng.ru/stsenarii/2014-04-22/10_language.html

не – 9:5, в Латвии – 8:7. То есть русский язык определенно играет важную роль в формировании и закреплении ценностей, и связано это может быть с недавней историей. После распада СССР прошло немало времени, но до сих пор у живущих за пределами России русскоязычных людей не сложилось сильной идентификации с титульными народами и государствами. Выросли поколения, во многом воспроизводящие российскую (советскую) культуру».

Все это не является страшным, когда эти ценности остаются в рамках культуры. Когда же такие установки начинают влиять на политику и экономику, возникает элемент непредсказуемости развития социосистемы. По крайней мере, начинает присутствовать определенная ее расбалансировка. Дестабилизация системы имеет много источников, и это один из них.

Зинаида Гиппиус в своих воспоминаниях приводит в качестве примера такой работы опыт Гитлера⁵: «Метод Гитлера, – «5-я колонна», подготовка внутреннего разложения страны, которую он хочет победить, – очень стар. Идет из Германии же, впервые применен в 1917 году. Насажение разлагающего «правительства» (Куусинен, Квислинг) имело тогда оглушительный успех, если не помогло победе Германии, то лишь потому, что запоздало немного. Но вывело целую Россию из строя и – это ли не успех? – сделало ее через 20 лет годной в союзники Германии».

⁵ Гиппиус З. Язвительные заметки о Царе, Сталине и муже. – М., 2014

Сегодняшняя поддержка Путина, когда достигнуты ошеломительные результаты, порождает справедливые вопросы: как может быть такая поддержка власти при идущем экономическом ухудшении? Причем в стране сегодня достигнут наибольший разрыв между богатыми и бедными, когда 110 человек держат в руках 35 % собственности⁶. М. Снеговая предлагает следующее объяснение, исходя из имеющихся на сегодня исследований⁷: «новая информация воспринимается нами лишь тогда, когда не угрожает нашим политическим взглядам или целостности нашего мировоззрения. Это ловушка сознания: нам трудно отказаться от идей (пусть и ложных), которые лежат в основе нашего мировоззрения». И далее: «В авторитарных системах ситуация усугубляется тем, что правдивая информация о режиме не находится в открытом доступе (основные СМИ контролируются властью). Чтобы ее найти, нужно прилагать усилия. Граждане, которые охотнее ищут дискредитирующую режим информацию, – это люди, которые уже изначально негативно настроены к режиму. И наоборот, сторонники режима не склонны заниматься поисками компрометирующей режим информации. Более того, негативные факты, доведенные до сведения сторонников режима, как правило, ими не усваи-

⁶ Бувей М. Путь к патриархальному капитализму XIX века // www.vedomosti.ru/opinion/news/27226521/vozvraschenie-viktorianskoj-epohi

⁷ Снеговая М. Может ли целое общество попасть в ловушку сознания // www.vedomosti.ru/opinion/news/27226481/v-lovushke-soznaniya?full#cut

ваются и не меняют их взглядов».

Получается, что стойкость авторитарных режимов базируется как на цензуровании информации, так и на нашей информационной «физиологии», когда сознание не готово воспринимать информацию, которая противоречит уже усвоенному. Поэтому вполне понятной для России можно признать акцию борьбы с врагами, которых называют то национал-патриотами, то пятой колонной, то шестой, а то и просто либералами.

Последней «креативной» акцией этой борьбы стала следующая⁸: «Сообщество «Главплакат» продолжает акцию «Чужие среди нас», внушая гражданам России, что оппозиционные политики, журналисты и деятели культуры сродни отвратительным чудовищам-захватчикам. Спустя два месяца после вывешивания огромного баннера на «Доме книги» на Новом Арбате с изображением пяти оппозиционеров в виде инопланетных существ, люди в масках пришельцев раздавали прохожим на Пушкинской из огромных муляжей яиц почтовые открытки серии «Чужие среди нас» с изображением 49 оппозиционных политиков, журналистов и деятелей культуры. Экземпляры таких открыток были отправлены главным редакторам ведущих СМИ, включая тех, кто сам вошел в список «чужих». Судя по реакции сотрудников полиции, акция была согласована на высоком уровне». И это

⁸ Эйсмонт М. От людей к существам // www.vedomosti.ru/opinion/news/27105011/ot-lyudej-k-suschestvam

вновь информационное решение, которое, несомненно, является более мягким, чем у товарища Сталина: оппозиционеров всего лишь объявили инопланетными существами.

Информация способна не только отражать реальность, она столь же активно может создавать новую реальность, которой до этого не было. Информация становится катализатором появления этой новой реальности. И информация более легко управляема, чем реальность, поскольку обладает меньшей инерционностью, ведь она меняется ежеминутно и ежечасно.

Антропологические революции и их информационный и виртуальный инструментарий

Под антропологическими революциями мы будем понимать принципиальные изменения в поведении людей, которые рассматриваются как отдельные этапы в развитии человечества. Наиболее известными из них являются неолитическая и промышленные революции. Неолитическая революция из охотника сделала крестьянина, а промышленная из крестьянина – рабочего. В результате возникли принципиально отличные типы поведения. Это был нелинейный переход.

Сегодня наука уже не столь категорична в понимании, почему это произошло. Оказалось, например, что сельское хозяйство более «затратное», требует больше килокалорий, чем простая охота. А что касается промышленной революции Г. Кларк (его сайт – Gregory Clark // www.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark) установил, изучая английские завещания того времени, изменения в головах людей произошли до, а не после промышленной революции. Люди стали больше внимания уделять, например, образованию и гигиене. Их дети учились и выживали гораздо лучше, чем до этого. И промышленная революция была уже след-

ствием, а не началом процесса (*Clark G. A farewell to alms. A brief economic history of the world. – Princeton, 2007*).

В одном из своих интервью Кларк отмечает, что до 1800 г. англичане вообще не купались. В промышленном мире в семье выживали в среднем не более двух детей. Но среди богатых выживали больше, среди бедных меньше. Таким образом богатые берут верх в обществе биологически. А промышленную революцию исследователь выводит из изменений в культуре, а не наоборот, как нас учили в школе.

Еще один его вывод таков: общества охотников-собирателей не могут адаптироваться к современной капиталистической экономике. Как пример он приводит австралийских аборигенов, где в результате такого внезапного перехода возрос уровень бедности, алкоголизма, наркотической зависимости. То есть они совсем не вписались в новый общественный строй.

Мы можем экстраполировать эту ситуацию на нашу страну, которая тоже не может нормально функционировать при капитализме, который внезапно появился. Можно также вспомнить, что такие умения появились только у людей, которые были в стороне от нормальной тогдашней работы (типа Р. Абрамовича, который имел на себе уже и уголовное дело). То есть комсомольские кооперативы и теневики не только создали финансовые интересы, которые толкали систему в новое состояние легализации этих доходов, они породили типы людей, оказавшихся впереди, на следующем этапе

развития. И только им удалось выиграть в этой новой ситуации. То есть теневая экономика и теоретики (Гайдар – Чубайс) породили новый строй. Идеология теневой экономики объединилась с идеологией антикоммунизма.

Новый строй тоже надо уметь легитимизировать. Перестройка была создана, но важным элементом таких искусственных переходов становится невозможность вернуться в исходное состояние. Именно поэтому считается необходимым, например, вводить шоковые методы (*Klein N. The shock doctrine. – New York, 2007*). Поэтому шоковая терапия была применена во всем мире при переходе к либеральному капитализму.

А. Проханов отмечал, что ГКЧП была нужна для легитимной передачи власти от Горбачева к Ельцину. Другого варианта просто не было. Тогда и вариант оранжевой революции в виде третьего тура голосования тоже можно рассматривать как вариант легитимной передачи власти по разрыву «наследственности». И Ельцин, и Ющенко, получив власть, довольно активно пытались выполнить функцию разрушения предыдущего этапа.

Мы имеем каждый раз однотипную ситуацию с такими компонентами:

- новая идеология (новое видение),
- группа адептов, которые работают, в частности, властных позиций,
- расширение этой идеологии на все общество.

Это не только перестройка, но и, скажем, события 1917 г. и введение христианства. В период своего распространения христианство также воспользовалось организационным ресурсом власти при императоре Константине.

Такую же модель мы можем увидеть во влиянии на общество со стороны известного сатаниста А. Кроули, который, как считается, подтолкнул на Западе как эру рок-н-ролла, так и все движение New Age (см. *Spence RB Secret agent 666. Aleister Crowley, British intelligence and the occult. – Post Townsend, 2008*). Кстати, хотя в то время он уже был мертв, это не помешало ему попасть на обложку пластинки «Битлз» и стать вдохновителем многих других известных музыкантов.

Возможно, здесь сошлись два протестных движения. Кроули был представителем контркультуры, как и музыканты. Вообще считается, что протестные музыкальные движения того периода создавались специально: они позволили отвести политическое напряжение в культурную плоскость. Как ни парадоксально, такую же функцию выполнили зеленые накануне распада СССР. Как констатируют исследователи: «В 1960—80-х было нашествие подобных проектов: от экологов и защитников памятников к активистам «новой педагогики» и бардовской песни. В то время власть была вынуждена пойти на «раскручивание гаек» в области общественных движений, чтобы помешать потенциальному уходу недовольных и энергичных в реальное протестное движение (не

только диссидентство, но и терроризм)». (Советские «зеленые»: волонтерство под крылом партии и КГБ // tolk.ru/?p=15495)

Интересно, что был еще один путь «деактивации» протестности. В 1950—60-е главным по количеству было рабочее протестное движение. Но диссиденты-интеллигенты «приватизировали историю протестного движения в СССР». Ведь все внимание было приковано именно к ним, поскольку они несли политические требования, а все остальные протестные движения – нет.

Кстати, не только диссиденты интересовали чужие спецслужбы. Например, главный эксперт ЦРУ Ф. Ермарт говорит, что антиалкогольная кампания времен Горбачева была такой же интересной, как и проблема количества баллистических ракет (*Эрмарт Ф. Антиалкогольная кампания в СССР нас интересовала не меньше, чем ваши ракеты. Интервью // Известия. – 2004. – 12 марта*). И с некоторых глав этого доклада о развитии советского общества до сих пор не снят гриф секретности.

Сегодня интенсивные изменения вводятся исключительно при помощи создания новой картины в мозге человека. Например, известный политтехнолог А. Ситников вспоминает рассказ бывшего директора ЦРУ Д. Геттингера. (Ситников А. Я учил Наину Иосифовну, как не стать Раисой Максимовной. Интервью // www.sitnikov.com/sitnikov/publication/?id=203). Еще в 60-е годы американцы стали искать эмоции

и ассоциации для слов «мать», «родина», «деньги», «США» у советских людей. Это было нужно, чтобы найти пути, которыми можно было изменить негативную реакцию на США на позитивную.

Такая же проблема возникла после 11 сентября в связи с изменением отношения мусульманских стран к США. Тогда была развернута большая кампания, в основе которой лежит сопоставление пяти главных ценностей в США и мусульманских странах. Общим оказался только один параметр – семья и дети. Поэтому информационные потоки были ориентированы на рассказ о реализации этого параметра в США, например, демонстрировались счастливые мусульманские семьи в США.

Британский think tank Институт правительства собрал подобные современные подходы, чтобы определить это т. н. пространство разума – Mindspace (Mindspace // www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/MINDSPACE.pdf и здесь). Первыми целями стали: борьба с преступностью, ожирением, за здоровую экологию. Создан отдельный сайт, где собираются практические исследования в этой сфере – www.mindspace-online.org. Соответствующую работу ведет и французский правительственный центр стратегического анализа (*сайт* – <http://www.strategie.gouv.fr/en>). В нем даже были изданы два исследования на тему перехода от фантастики к реальности. Причем если Великобритания активно опира-

ется на чужие разработки, например, Р. Талера (Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge. Improving decisions about health, wealth and happiness. – New York, 2009) или Р. Чалдини (Чалдини Р. Психология влияния. – СПб., 1999), приглашая их к сотрудничеству, то Франция имеет собственные исследования такого нейropsychолога, как А. Улье (Policy brief 216. Nudges green: new incentives for green behavior // archives.strategie.gouv.fr/en/content/policy-brief-216-nudges-green-new-incentives-green-behavior-march-2011, The brain and the law of practice ethical neurodroit // archives.strategie.gouv.fr/en/content/brain-and-law-and-practice-ethical-neurodroit-policy-brief-282-september-2012, New approaches to public health prevention – The contribution of behavioral science, cognitive and neuroscience // archives.strategie.gouv.fr/en/content/new-approaches-public-health-prevention-contribution-behavioral-science-cognitive-and-neuros).

Англичане даже взяли такую проблему, как игнорирование больными запланированной встречи. Поскольку люди не сообщают об отмене встречи с врачом, это время не может быть использовано для встречи с другим пациентом. По всей стране это в результате составляет 6 миллионов встреч, которые не состоялись и которые стоят 700-800 миллионов фунтов. Исследования, кстати, показали: если человека попросить записать на бумаге время предстоящей встречи, количество случаев игнорирования уменьшается в три-четыре раза.

В свое время много говорилось о разной роли в мышлении человека двух полушарий мозга. Сегодня Я. Макгилхрист написал книгу не просто о двух полушариях мозга, а о том, как доминирование того или иного полушария формировало цивилизацию (западную) (см. его сайт – www.iainmcgilchrist.com). Левое полушарие считается доминантным, поэтому он называет это левым шовинизмом. При этом правое отвечает за общую картину, а левое – за детали. Правое знает, что делает левое, а не наоборот. Полагаясь только на взгляд левого полушария, мы строим мир жесткой рациональности, поскольку правое отвечает за эмпатию, за общественность, за красоту.

Учитывая это мы можем сделать вывод по нашей теме – антропологическая революция может заключаться в изменении доминирования левого или правого полушария. Ведь Макгилхрист пишет об отсутствии протеста в определенные периоды истории, объясняя это именно доминированием правого полушария, поскольку именно левая видит детали.

Я. Макгилхрист подчеркивает, что сложность мира отходит в сторону при линейном взгляде левого полушария. Правое полушарие рассматривает мир как сложный, вместо четких механизмов теперь видятся взаимосвязи, живые структуры. Правое полушарие понимает невербальное, метафорическое, ироническое или юмористическое. Вывод автора: нам нужны два полушария и два взгляда на мир.

Он подчеркивает, что у нас имеется два типа внимания: один из них максимально сужает объект, что позволяет классифицировать его. Это хорошо для манипуляции миром, но плохо для понимания мира, поскольку разъединяет тебя с ним. Левое полушарие отвечает за речь и аргументацию, поэтому он назвал ее «Берлускони мозга», поскольку она несет медийную ответственность. В правом полушарии нет таких возможностей.

Но самое интересное в другом. Он выделяет эпохи, когда такое доминирование левого полушария отступало. Это шестой век в Афинах, пятый и четвертый в Риме, Возрождение (XV, XVI и часть XVII века в Европе). В эти времена было понимание сосуществования противоположного, чего не позволяет левое полушарие. Культуры тех времен не разделяли тело и ум. Со времен промышленной революции началось доминирование левого полушария. Это время логики, рациональности, линейного мышления. Сегодня мы все еще переоцениваем наше умение предвидеть и контролировать благодаря рационализации. Но этот путь заложили Монтень, Дидро, Вольтер еще до промышленной революции.

Требования правого полушария повели Грецию к досократической философии, морали, мифологии, математике, эмпирической науке, драме, музыке, поэзии, которые были богаты на нарратив, метафору и юмор. Требования левого полушария привели к развитию аналитической философии Платона, кодификации законов, распро-

странению коммерции, систематизации знаний (Interview with Iain McGilchrist // frontierpsychiatrist.co.uk/interview-with-iain-mcgilchrist/).

Кстати, исследователь высоко оценивает старую китайскую мудрость, особенно дзэн-буддизм, даосизм и частично индуизм. Именно это он сравнивает с досократовской эрой в Греции. Т. е. когда роль целого была важнее, чем роль детализации.

Вообще левое полушарие не позволяет сосуществовать противоположностям, хотя это возможно для правого полушария. Мы можем увидеть переход, который делает человечество к более «правильной» картине мира, в одной фразе В. Перцева по сравнению богов греческих и римских (Перцев В. Учебник древней истории. Часть вторая. История Рима. – М., 1916. – С. 30): «В ней [римской религии] не было морального безразличия греческой религии, а римские боги не имели тех слабостей и пороков, назначенных греческим богам в эпосе и мифологии». По этой базе мы видим внесение упорядоченности не только в мир людей, но и в мир богов.

Правое полушарие еще отвечает за «автобиографическую память», которая дает возможность мыслить и по-новому оценивать собственный опыт в свете новой информации. Именно поэтому классические книги оказываются лучше разных книг о личностном росте. Кстати, исследования ученых из Ливерпульского университета демонстрируют, что чтение произведений Шекспира активизирует работу мозга.

Это связано со сложностью текста, ибо тот же смысл, переданный современным языком, не вызывает такой реакции у человека.

Те же исследователи во главе с профессором П. Дэвисом считают, что чтение может лечить от депрессии. Они предлагают «литературные интервенции» в разные болезни.

Антропологические революции принципиально меняют человека, физиологически оставляя его прежним. Человечество и его история сформированы именно такими антропологическими революциями, которые можно рассматривать как варианты нелинейных переходов в истории человечества.

Особенности реализации коммуникативно- цивилизационных переходов

В свое время Э. Тоффлер все развитие человечество распределил на три этапа: аграрная цивилизация, индустриальная и информационная. Доминирующие средства производства на каждом этапе разные. Сегодня страны, принадлежащие к информационной цивилизации, делают свой ВВП именно с помощью информации.

Но сегодня резко возросла роль информационных механизмов в любой стране и мире. Это имеет существенные последствия для всех важных сфер развития. Например, как следствие, другими на сегодня становятся бизнес, политика, военное дело, государственное управление и, конечно, революции. Именно эти сферы идут впереди по следующим причинам:

- они обладают большим финансированием,
- они базируются на долгосрочном планировании, поскольку работают как бы с будущими объектами,
- они влияют на национальную безопасность страны.

Информационный компонент позволяет осуществлять ускоренными темпами ряд важных процессов: создавать новые элиты, выстраивать и удерживать национальную иден-

тичность, осуществлять модернизацию страны, поддерживать национальную картину мира.

Самым ярким примером результативности информационного компонента является то, как введение книгопечатания Гутенбергом породило национальные государства, то есть создало современную модель мира. Правда, это достаточно долгий процесс. Но как пример потом он снова повторился на примере появления в Индии прессы, которая также активизировала национальное самосознание, и в результате колонизаторы-англичане отступили.

Информирование само по себе не является целью, а только инструментарием для последующих изменений, которые могут произойти в индивидуальном и массовом сознании, в трансформации социосистемы. Мы имеем как бы развилку из двух целей: передача информации и переключение в голове, к последнему ближе всего подходит военный термин «операции влияния – *influence operations*».

Почему коммуникация может нести подобные последствия? Почему самые сильные трансформации в виде современных революций являются практически всегда коммуникативными, начиная с холодной войны?

У Дж. Аркиллы мы можем найти следующее обоснование. Он разделил информацию на два типа⁹. С одной стороны, это то, что передается. И это и есть основное представление

⁹ Arquilla J., Ronfeldt D. Looking ahead: preparing for information-age conflict // In Athena's camp. Ed. by J. Arquilla, D. Ronfeldt. – Santa Monica, 1997

об информации. Но он предлагает еще одно. Информация – это то, что лежит в основе любой структуры. Сменив эту «ядерную» информацию, мы будем вынуждены поменять и всю структуру, которая на ней базировалась, из нее выростала.

Что делала перестройка? Активно меняла именно «ядерную» информацию, в результате чего то, что находилось в ореоле, оказалось выкинутым на помойку. И наоборот – возвращала из небытия фигуры, о которых давно забыли. И это в результате привело к смене всей структуры – СССР распался, и на его базе возникли новые образования.

Исходя из деления информации на ядерную (первичную) и вторичную, удар по социосистеме может иметь следующие виды:

- разрушение ядерной информации,
- разрушение информации вторичного порядка, которая на следующем шаге может вести к изменению ядерной информации,
- постепенная замена ядерной информации,
- постепенная замена вторичной информации.

Ядерная информация является глубинной, она может попадать на поверхность в редких вариантах, например, в виде лозунгов, слоганов. Она реализуется в текстах, в которых сохраняется иерархия общества, заданная ядерной информацией. Основным запретом для порождения текстов состоит в непротиворечивости их принципам ядерной информации.

Примерами замены, а не разрушения ядерной или вторичной информации в истории СССР могут служить диссиденты, шестидесятники, которые хотя и порождали прямые или косвенные антивластные сообщения, но они все равно находились на периферии массового сознания.

Как государства и общества могут защищаться от подобного рода интервенций, направленных на смену базовой информации? Государства, именуемые тоталитарными, вводят мощнейшее цензурирование. Таким образом, «антиядерные» информационные потоки проходят мимо таких государств. Свою «ядерную» информацию серьезным образом защищают все страны. Для этого реализуются варианты, который можно представить себе в виде модели защиты своего Текста. Однако для этого есть два подхода:

- выстраивание «забора», который защищает,
- выстраивание сильного Текста, которые не боится чужих интервенций.

Если СССР пошел по первому пути, то Запад по второму. Правда, Запад использовал для этого не только политическую пропаганду, которая идет сверху вниз, но и социологическую пропаганду, которая выстраивается в горизонтальной плоскости как воздействие окружающей действительности на массовое сознание. Об этом в свое время писал Э. Эллюль¹⁰.

Государства в принципе всегда создают выгодную для се-

¹⁰ Ellul J. Propaganda. The formation of men's attitudes. – New York, 1973

бя информационную среду. Россия, к примеру, контролирует три федеральных канала, которые и смотрят 60-70 % населения, а в интернете, где такой контроль затруднен, удерживает свою точку зрения с помощью собственных интернет-изданий. При этом некоторые передачи смещены на поздний час, когда их смотрит так называемая «ночная Россия», которая не является решающим фактором для власти.

Телевидение как инструмент власти выполняет задачу интерпретации действительности. В противном случае в головах воцарил бы хаос. Однако телевидение делает это достаточно специфическим способом. Например, Д. Дондурей считает, что российское телевидение выполняет в том числе и такую функцию¹¹: «У большинства населения страны усилиями телевидения, газет и радио целенаправленно сохраняется мощнейшая привязка к советскому сознанию посредством непрерывного воспроизводства советских мыслительных парадигм, советских объяснительных матриц. Это огромная и очень специальная работа чрезвычайно выгодна элитам политической и экономической власти».

При этом он считает, что это дает власти возможность выстраивать свою модель мира, где все свое, включая суверенную демократию, в результате чего в страну не идут инвестиции, что позволяет элитам удерживать квазисоветскую мо-

¹¹ Дондурей Д. Телевизор – главный инструмент управления страной // www.nsad.ru/articles/daniil-dondurej-televizor-glavnyj-instrument-upravleniya-stranoj

дель зависимости населения от власти.

И еще она цитата, которая раскрывает тот крен в сторону развлекательности, в котором сегодня функционирует телевидение. Д. Дондурей говорит: «За неделю на нашем ТВ говорится о кухне в сто раз будет больше, чем за год – о Толстом, Достоевском и Чехове вместе взятых! А ведь это – единственные три русских фамилии, которые знает все человечество. Этих писателей проходят в любой школе мира – от Южной Африки до Исландии и Аляски. Эти три фамилии знает весь мир. Наверное, еще Чайковского. Но за последние годы вы не услышите на основных телеканалах страны ни одной передачи о том, что, мол, давайте-ка в 8 часов вечера поговорим о том, прав ли был Достоевский».

Как видим, коммуникация создает ту цивилизацию, которая ей соответствует. Все революционные изменения строились как раз на том, чтобы вывести информационный компонент на функционирование на шаг вперед. Тогда он заставляет перестраиваться политический и экономический компоненты.

Когда сегодня телевидение работает только на развлекательность, когда отсутствуют познавательные передачи и документальные фильмы, то понятно, что о никакой модернизации страны не может идти речь. Она также невозможна без соответствующей поддержки со стороны науки и образования.

И внешние, и внутренние силы пытаются влиять на си-

стемы принятия решений. Более конкретно это принимает вид влияния на индивидуальное или массовое сознание. Это может быть влиянием на системы хранения и обработки информации, которые в традиционном виде могут быть библиотеками и системами образования. Можно изучать одно и забыть другое. Можно тиражировать массово нужный текст, а ненужный издавать только для специалистов.

Еще одним применением коммуникаций стали революции и терроризм. Медийная картинка революций несет им новых сторонников и международное участие. Когда же революции выходят на международный уровень, с ними уже трудно бороться жестко. Без соответствующей медийной картинки были бы невозможны ни бархатные, ни цветные революции. Это все коммуникативные революции, ею же была и перестройка, которая использовала властные медийные ресурсы для распространения антивластных меседжей. Если Пятый канал периода оранжевой революции выступал как оппозиционный, то его меседжи вполне естественно могли быть оппозиционными. Но властные каналы периода перестройки с этой точки зрения не могли передавать оппозиционные меседжи, которые в результате и разваливают страну.

В принципе считается, что телевидение как доминирующее средство не может нести радикальные меседжи. Этот полюс скорее принадлежит интернету (см., например,¹²). При этом как книгопечатание ушло от библии, так и в период

¹² Behr von I. a.o. Radicalisation in the digital era. – Santa Monica, 2013

перестройки передачи, сделанные для того, чтобы удержать молодежь в системе провластной ориентации, стали рупором антивластной риторики (см., например, о создании «Взгляда» или «До и после полуночи» в воспоминаниях Л. Кравченко¹³). То есть КГБ и Гостелерадио создали в результате рупор для трансляции антивластных меседжей.

Все революции «громят» базовую информацию, например, 1917 год провозглашал «мир – хижинам, война – дворцам» или «весь мир насилья мы разрушим, кто были никем, тот станет всем». Это базовая иерархия общества того времени, которая менялась на противоположную. Если в карнавал иерархия меняется временно, то в революции навсегда.

Движущими силами революции часто становится «обиженный» социальный класс. Непризнанный, появившаяся на тот момент буржуазия породила французскую революцию. Оранжевая революция имела в качестве своей базы средний класс. Но поскольку средний класс опять оказался под молотом государства, пришел Майдан-2.

Однотипно в терроре важную роль играет телевидение. Например, Д. Дондурей подчеркивает следующее¹⁴: «Без телевидения террор в постиндустриальном медийном обществе вообще не имеет смысла». И еще: «Телевизор работает как основной инструмент распространения этого чувства непреодолимой опасности и как сам удар по чувству без-

¹³ Кравченко Л. Лебединая песня ГКЧП. – М., 2010

¹⁴ Дондурей Д. Террор: война за смысл // polit.ru/article/2004/10/18/dond/

опасности. Очень важно, что террор в этом смысле анонимен. Есть только короткие периоды времени, когда мы знаем или узнаем фамилии жертв, террористов, спасателей, тех, кто был посредником на переговорах. Все это уходит. В отличие от войн старого типа здесь практически не существует героев».

Современные социальные сети облегчают формирование протестных движений. Дискуссии в интернете облегчают закрепляют и усиливают радикальные взгляды. То есть то, что книга делала через поколения, теперь совершается за срок меньший, чем одно поколение.

А. Росс, бывший одно время техническим «гуру» госдепартамента, а сегодня попавший под запрет въезда в Украину как «лучший специалист в мире по организации революций через социальные сети»¹⁵, видит последствия внедрения социальных медиа в следующем виде¹⁶:

- технология ускоряет политические изменения,
- социальные медиа делают слабые связи сильнее,
- лидерство распределяется на большой набор акторов,
- социальные медиа помогают организовывать новостные циклы для внешнего мира.

В интервью газете «День» А. Росси рассказал, что его пра-

¹⁵ Люди под запретом // www.kommersant.ua/doc/2375834

¹⁶ Ross A. Social media: cause, effect, and response // www.nato.int/docu/review/2011/Social_Medias/21st-century-statecraft/EN/index.htm

дедушка эмигрировал из Киева в Чикаго в 1895 году¹⁷. В этом интервью он подчеркивает, что любая технология является лишь средством. Людей же интересует содержание, которое с помощью технологии передается.

Общество не является однотипно думающим и действующим организмом. Более «уязвимая» социальная прослойка, которая более сильно чувствует несправедливость, выступает в роли социального «будильника» для остальных. Вспомним роль народников в дореволюционной России или роль интеллигенции в СССР, которая то в виде шестидесятников, то в виде диссидентов пыталась пробудить народное сознание. Они запускали в страну иные типы меседжей. Естественно, что антивластные тексты вызвали сопротивление властей.

Социосистемы для своего развития требуют определенного разнообразия, которое вступает в противоречие с требованиями политической цензуры. СССР времен застоя является как раз примером периода, когда политическое цензурирование становится важнее развития. Новые смыслы тогда перестали поступать в социосистему. Она стала материально благополучной в физическом пространстве, но неблагополучной в информационном и виртуальном пространствах. Возникла нехватка разнообразия виртуального порядка.

СССР стал слишком стар в своем функционировании,

¹⁷ Ross A. We are not able to tweet our way to freedom // www.day.kiev.ua/en/article/day-after-day/alec-ross-we-are-not-able-tweet-our-way-freedom

чтобы удовлетворять интересы молодого поколения. И когда в 1985 г. на сцену реально вышло молодое поколение, оно в результате привело к смене власти. Именно такой прогноз на трансформацию СССР давала в свое время компания Шелл¹⁸. И хотя ЦРУ против него возражало, именно Шелл оказалась права.

Социосистемы динамично изменяются. Вырастают новые социальные слои, которые начинают влиять (или пытаются влиять) на принятие решений. Если социосистема не хочет видеть этих изменений, она начинает торможение в своем развитии. Но ее все равно пытается изменить сформировавшаяся новая молодежь (см., например, о креативных кампаниях Демократического Альянса в Майдане-2¹⁹). Сегодня речь идет уже о приходе к власти в 2020 году нового поколения вообще по всему миру²⁰. А это поколение имеет совсем другие ценности. И мир с неизбежностью существенным образом изменится.

Правда, Россия, к примеру, констатирует, что их поколение-2020 не будет сильно отличаться от нынешнего²¹. При этом странным является то, что по одному из последних опросов 60 % жителей России являются потенциальными

¹⁸ Schwartz P. The art of long view. – New York etc., 1996

¹⁹ 10 фактів про Демократичний Альянс, які викликають захоплення // politiko.ua/blogpost102664

²⁰ Luntz F.I. What Americans really want... really. – New York, 2009

²¹ Исследование Лаборатории сравнительных исследований Высшей школы экономики: российская элита 2020 // gtmarket.ru/news/2013/08/05/6259

или фактическими эмигрантами²². И это самый высокий показатель из всех стран-участниц опроса. После России с большим отрывом идут Австрия, Италия и Марокко – имея по 18 % соответственно.

Новая информационная действительность в виде социальных медиа принесла новый вызов для государств. По поводу их Р. Томпсон написала, что они являются эффективным средством радикализации и рекрутирования новых членов, поскольку они всегда там, где находится пользователь²³. Это исследование опирается на исследование массовых протестных акций, совершенных с помощью социальных медиа: Филиппины (2001), Испания (2004), Молдова (2009), Египет (2011). Во время протестных акций в Греции (2008, 2011) организаторы также использовали социальные медиа. Поэтому исследование рекомендует лидерам, работающим в сфере национальной безопасности, быть знакомыми с информационными технологиями, развивать разведывательные и полицейские инициативы, которые могут обнаруживать, сдерживать и уменьшать технологические угрозы, рассматривая социальные медиа как основной способ радикализации.

Коммуникация является самым эффективным способом внесения изменений в этот мир. Поэтому она будет стоять в

²² Исследование Zurich и GfK: Более 60 процентов россиян являются потенциальными или фактическими эмигрантами // gtmarket.ru/news/2013/12/13/6472

²³ Thompson R.L. Radicalization and the use of social media // *Journal of Strategic Security*. – 2011. – Vol. 4. – N 4

центре всех изменений. Как книга изменила структуру мира, так интернет сделает то же самое. Он построит новую карту мира, где точкой отсчета станет виртуальная, а не физическая реальность.

Информационно-коммуникативные технологии в развитии цивилизации

При медленном развитии технологий прошлых периодов их последствия, ощущаемые через поколения, носили естественный характер. Изменения, вводимые в рамках одного поколения, могут иметь последствия, которые не только создают, но и разрушают.

Книгопечатание явилось самым сильным по своим последствиям, создав современную картину мира из национальных государств, поскольку книги на национальных языках активировали национализм. Книга также стала первым индустриально произведенным массовым продуктом, создав толчок для последующей промышленной революции. Именно книга трансформировала социосистему, во многом создав современную цивилизацию.

Сегодня информационно-коммуникативные технологии вместе с наукой и образованием стали измерителем успешного движения стран в системе информационной цивилизации. Все это накрепко связано с развитием технической составляющей этих технологий. Но когда-то книга также была просто техническим результатом, к которому пришел человеческий гений. Последствия ее внедрения как бы оказались сильнее самого изобретения.

Практически всегда удачное изобретение начинается потом

жить своей собственной жизнью, которая отличается от той, которую программировали для него его создатели. В своем развитии книга вырвалась из печатания исключительно Библии, как это было задумано вначале, а интернет перестал быть тем, для чего его придумали военные.

Все, что окружает нас в области работы с информацией, когда-то было изобретено впервые: и университеты, и библиотеки, и лаборатории²⁴. Они были другими в своем первом «пришествии». Александрийская библиотека была сожжена по приказу захватчика-султана, который считал, что если в собранных там книгах написано то, что в Коране, – она не нужна, а если то, что противоречит Корану, – она тем более должна быть уничтожена. Эта библиотека в своем первоначальном виде скорее напоминала сегодняшней научно-исследовательский институт, ведь там не только хранились книги, они переводились, переписывались, в ней ставились эксперименты, чтобы затем описать их в книгах, точнее в прообразах того, что мы сегодня понимаем под книгой. Первые университеты тоже были другими: они не были географически привязаны к определенной точке, если преподаватель уезжал куда-то в другое место, то студенты следовали за ним туда же.

²⁴ McNeely I.F., Wolverton L. Reinventing knowledge. From Alexandria to the Internet. – New York – London, 2008

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.